Владимир Федорович очень хорошо понимал и остро чувствовал слабые стороны узкой специализации в нашей работе. История философии интересовала его как многообразный процесс со своими внутренними связями и закономерностями. Он стремился быть исследователем широкого диапазона.

Мы не были с Владимиром Федоровичем друзьями – уже большая разница в возрасте неизбежно разделяла нас. Но было и то, что нас сближало. Было много точек соприкосновения во взглядах и на проблемы нашей профессии, и на нашу текущую жизнь. Была определенная степень взаимопонимания, было взаимное уважение. Мы были настоящими товарищами в общем деле. И утрата такого товарища чувствуется остро и горько.

З. Смирнова

ПРЕДЫСТОРИЯ РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

В.Ф. Пустарнаков

О русско-французских политико-дипломатических, экономических, культурных связях в отечественной историографии накопилась значительная литература. Гораздо беднее литература по истории русско-французских философских связей. По отдельным персоналиям и проблемам высказывались авторы обобщающих трудов по истории русской философии (М. Филиппов, Э. Радлов, Г. Шпет, Б. Яковенко, В. Зеньковский, Н. Лосский, А. Галактионов и П. Никандров, авторы шеститомной "Истории философии", коллективного труда "История философии в СССР", многие авторы монографий и статей, посвященных русской и французской философии).

В современной отечественной историографии изучение темы русско-французских философских связей продвинулось вперед, но не намного. В 70–80-х годах защищено несколько историко-философских диссертаций (Н.В. Антохина, А.М. Чабан, А.А. Златопольская – все три на тему русская мысль и французское Просвещение); Н.В. Полякова о влиянии Де-Местра на политическую философию русского консерватизма. В книге Г.П. Матвиевской о Декарте есть раздел о русской декартиане; на конференциях 1996 г., посвященных 400-летию со дня рождения Декарта, о русской декартиане говорили Г.Г. Судьин и А.И. Володин; в Академии государственной службы прошел симпозиум, посвященный Конту. Но сколько-нибудь цельную и убедительную картину русско-французских философских связей по имеющейся литературе создать нельзя. По сути дела в ней затрагиваются лишь отдельные аспекты этих связей.

В зарубежной историографии русско-французские философские связи тоже изучены лишь в отдельных аспектах. Наиболее информативно эта тема представлена в книге Т. Масарика "Россия в Европе" (1913, на нем. яз.), В.В. Зеньковского "Русские мыслители и Запад" (1927). Очень солидны труды адъюнкт-профессора Парижского университета Эмиля Омана "Французская культура в России (1700–1900)" (1913, на франц. яз.) и польского автора А. Рогальского "Россия и Европа" (1960, на польск. яз.), но эти работы посвящены в основном общекультурной и литературоведческой проблематике, собственно историко-философского материала в них мало.

В последние десятилетия во Франции вышел ряд книг о русских писателях и ученых (о Достоевском, Ломоносове и др.), появились статьи на тему соотношения русского и французского Просвещения, но и в них историко-философские проблемы затронуты бегло.

Из новейших зарубежных диссертационных работ обращает на себя внимание опубликованный на русском языке очень содержательный труд финского ученого Эско Вилкко "Философско-эстетические идеи французского Просвещения в русском романтизме 20-х годов" (Хельсинки, 1991), но самое название диссертации говорит об узких хронологических рамках.

Фрагментарность исследований по русско-французским философским связям в отечественной и зарубежной науке побуждает ставить вопрос о необходимости обобщающего труда по данной теме. Кроме того, необходимо исправить допущенные в ряде отечественных работ ошибки, в частности трактовки соотношения русского и французского Просвещения, возобладавшие в 40-е годы в отечественной историографии под влиянием сталинско-ждановских квазипатриотических установок и не преодоленные до сих пор.

ПРЕДЫСТОРИЯ

Русско-французские отношения зародились в период, когда Русь и Франция находились на очень разных ступенях исторического развития. До даты 862 г., который можно принять за начало древнерусского государства и его политической истории, предыстория восточных славян, которая по самым оптимистическим выкладкам началась не ранее VI в., находится в распоряжении археологов, а не историков государства и общества. Новгород, ведущий свою летописную историю с 859 г., стал заметным центром ремесел, торговли и культуры в X в. Киев же впервые упомянут в летописи под 860 г. и только со времени завоевания его первым новгородским князем-варягом Олегом в 882 г. становится политическим, торговым и культурным центром Руси.

История же Франции началась гораздо раньше российской. Если даже не включать в нее историю Галлии, заселенной кельтами с VI в. до н.э. и входящей целиком в Римскую империю с I в. до н.э., а

начинать ее с франкского периода (конец V и сер. IX в.), то окажется, что французская история "старше" российской минимум на четыре-пять столетий.

Франкское государство – первое в Европе крупное политическое объединение. Уже при короле Хлодвиге (481–511) франкское государство занимало территорию большую, чем территория современной Франции, а при Карле Великом (768–814) франкское государство – огромная империя, включавшая почти всю западную и значительную часть центральной Европы вплоть до границ с западными славянами.

Хотя франкское государство было непрочным политическим образованием, оно стало основным центром раннесредневековой западноевропейской культуры. На VIII–IX вв. падает так называемый Каролингский ренессанс ("Каролингское возрождение"), проявившийся, в частности, в организации школ, во внимании к античности и к светскому знанию вообще. "Каролингское возрождение" проявилось во всех сферах культуры, и в том числе в философии.

При первых французских королях из сменившей Каролингов династии Капетингов (987–1328) в главных французских школах стало более или менее устойчивым преподавание Trivium (грамматика, риторика, диалектика) и появились специальные учебники философии. Первые французские философы – *Жан ле Сур* (Jean le Sourd) – учитель крупного номиналиста *Иоанна Росцеллина* (ок. 1050 – ок. 1122), сторонник реализма Беранже (Bérenger) начали знаменитую средневековую философскую дискуссию номинализма и реализма.

Расположившись очень далеко друг от друга (по средневековым пространственным меркам), на разных концах Европейского континента, Русь и Франция только, кажется, в IX в. вступили в первый контакт. Да и то этот контакт был окутан авантюрными неясностями.

Есть сведения о том, что в 839 г. послы некоего "русского кагана" (так одно время назывались князья на Руси, значительная часть которой некоторое время находилась в зависимости от тюркского государственного образования – Хазарского каганата (сер. VII–нач. X в.)) возвращались из Константинополя, но их не пропустили венгры, и они кружным путем оказались в тогдашней столице франков городе Ингельгейм при дворе сына Карла Великого *Людовика Благочестивого* (778–840). Но вроде бы "посольство" вызвало у франков подозрение, и их расследование привело к выводу, что "русскими послами" оказались шведы... Так или иначе франкская верхушка узнала, что где-то далеко на востоке Европы существует Русь...

Вскоре, однако, настоящая Киевская Русь громко заявила о себе в международной политике, начав в 80-х годах IX в. борьбу с самой Византией, тогдашним центром мировой политики, о чем не могли не узнать и во Франции. Не могли не знать во Франции также

и о том, что с X в. киевские Рюриковичи стали устанавливать династические браки с Польшей, Венгрией и Германией. В XI в. их было заключено 38. Всего в X–XIII вв. Рюриковичи заключили династических браков: 27 – с Польшей, 15 – с Венгрией, 13 – с Германией.

А вот в середине XI в. наступила очередь Франции. Анри (Генрих) I Капетинг проявил примечательную инициативу: овдовев, он решился просить руки дочери великого князя далекой Киевской Руси *Ярослава* [*Владимировича*] *Мудрого* (978–1054). Это событие стало бесспорным символом зарождения русско-французских взаимоотношений.

Королевская власть во Франции времен Анри I находилась в упадке, и, возможно, этот фактор сыграл какую-то роль в выборе венценосного вдовца. Далекое славянское государство представлялось во Франции государством, хотя и христианским, но "варварским", каким оно виделось и в дальнейшем на протяжении многих веков. Но на середину XI в. "достойных качеств" за княжеством Ярослава Мудрого оказалось с французской точки зрения достаточно, чтобы брак с киевской княжной не считать мезальянсом.

Ярослав – сын Владимира Святославича (а возможно, его брата и соперника в борьбе за киевский престол Ярополка) и скандинавки Рогнеды. Сам Ярослав был женат на дочери шведского короля Олафа (Коткончунга) Индигерде (в православии Ирина).

Отличительной чертой политики Ярослава стала его вражда с Византией, наиболее отчетливо проявившаяся в его походе на империю в 1043 г. и в стремлении создать на Руси независимую от константинопольского патриарха церковь: именно при Ярославе киевским митрополитом стал в 1051 г. знаменитый теперь русич Иларион.

Варяжские корни Ярослава во многом объясняют факт, что при нем варяги оставались влиятельной силой на Руси: варяжская дружина пребывала на Руси до смерти Ярослава. Продолжились династические связи со скандинавами: дочь Ярослава Елизавета стала сначала женой брата норвежского короля Олафа, будущего короля *Гаральда Грозного* (ок. 1047–1066), а затем – женой датского короля Свена. Но двор Ярослава оказался в династическом родстве не только со скандинавами: за сыном Ярослава Владимиром по некоторым источникам была дочь английского короля Гарольда; сын Ярослава Всеволод женился на греческой царевне; сын Святослав тоже взял в жены графиню Штадскую; сестра Ярослава Мария вышла замуж за Казимира Польского; венгерский принц Андрей жил в Киеве до избрания королем Венгрии и был женат на дочери Ярослава Анастасии.

При дворе Ярослава находили убежище норманны – изгнанники со своей родины: Олаф Святой, его сын Магнус Добрый, Гаральд Смелый. Два английских принца – Эдвин и Эдуард, сыновья английского короля Эдмунда, изгнанные с родины, тоже пожили в Киеве.

Внучка Ярослава Евпраксия стала германской императрицей. В борьбе с Византией Ярослав стремился к союзу с Германией, но, правда, не преуспел в этом стремлении.

Поэтому нет ничего удивительного, что Анри (Генрих) I решил взять в жены дочь Ярослава Анну. Назывались разные даты, когда произошло это событие. Современный историк К. Грюнвальд называет 1051 год. А за три года до этого миссия французского короля в составе епископов Готье ле Саж и Роже II, а также королевского сановника Жоселена де Шалиньяка прибыла в Киев просить у киевского князя руки его дочери. Весной 1051 г. в Париже появился кортеж невесты и 14 мая 1051 г. архиепископ Ги де Шатильи освятил брак французского короля и русской принцессы.

В роскошном по оформлению труде французского историка XVII в. Ф. Мезере королеве Анне отведен небольшой, но отдельный раздел с портретом и стихами, восхваляющими жену короля, подарившую Франции принцев. Историк отметил красоту и щедрость Анны и констатировал, что дочь короля России (Roy de Russie), которую современники (modernes) называли "Московия", была достойной владеть сердцем великого монарха.

Для характеристики "идеологической" атмосферы, в которой протекал брак Анри I и Анны Ярославны, очень важно то обстоятельство, что хронологически на него выпал 1054 год – год окончательного раскола христианской церкви на западную (католическую) и восточную (православную) и их взаимного проклятия. Вроде бы первоначально на судьбе Анны Ярославны это не отразилось. Римский папа Николай II в личном письме Анне в 1059 г., т.е. после раскола, писал: "Слух о Ваших добродетелях, примерная дщерь наша, дошел до наших ушей, и мы с большой радостью узнали, что в христианнейшем вашем государстве вы несете ваши королевские обязанности с достойным усердием и отменным умом".

Но все-таки в жизни Анны не все сложилось благополучно. После смерти Анри I в 1060 г. Анна удалилась в замок Сенлис, откуда ее похитил потомок Карла Великого Рауль граф де Крепи и женился на ней. Но этот брак не был признан церковью законным: папа Александр II отлучил Рауля от церкви за то, что он вступил в брак, не разведясь с прежней женой. Высказывалось утверждение, что после смерти Рауля Анна возвратилась на родину и прожила еще лет семь–восемь. Но современный автор К. Грюнвальд утверждает, что Анна вернулась ко двору, где жила до конца своих дней. В 1089 г. ее уже не было в живых. Воспоминание об Анне, пишет К. Грюнвальд, "стерлось в памяти людей, ее имя сохранилось только на могиле, обнаруженной в 1682 г. в церкви аббатства в Виллье, возле Ла Фертэ-Алэ, и в ряде дарственных грамот в пользу церкви. Царствование ее супруга было столь коротким, что она не имела возможности оказать какого бы то ни было влияния на отношения между Россией и Францией"[1].

Видимо, это так. Но нельзя не учитывать того обстоятельства, что в средние века, да и много позднее, огромное значение придавалось генеалогическому древу правящих династий, и поэтому имя Анны Ярославны не могло не фигурировать всякий раз, когда возникал вопрос о престолонаследии.

У Анри и Анны родились три сына: будущий король Филипп, Роберт (рано умерший) и Гуго, впоследствии граф Верманду. Правда, следует сказать, что сыновья Анри I и Анны оказались не очень удачливыми. После смерти Анри малолетний Филипп был признан королем. Его опекуном стал младший брат короля Бодуэн, граф Фландрский. Но "настоящий" король из Филиппа не получился. Историки зафиксировали его любовь к распущенной придворной жизни, отсутствие у него таланта правителя. В 1071 г., попытавшись вмешаться в дела Фландрии, он был разбит. В 1094 г. Филипп был отлучен от церкви за то, что разошелся со своей первой женой Бертой Голландской и женился на Бертраде де Монфор, графине Анжуйской. В 1104 г. он раскаялся, был прощен, но продолжал жить с анжуйской графиней.

Гуго стал одним из вождей первого крестового похода, в котором, однако, потерпел поражение от греков и впал в ленную зависимость от византийского императора Алексея Компина; в 1101 г. он вновь участвовал в Крестовом походе, но опять потерпел поражение, был ранен и умер в 1102 г.

Русские летописи обошли брак Анны Ярославны с французским королем молчанием (а возможно, сведения об этом событии были вычеркнуты при каком-то "редактировании"). Но в XVIII в. на это событие обратил внимание не кто иной, как М.В. Ломоносов, который, по-видимому, не только не усматривал противоречия между своим патриотизмом и браком русской княжны с иноземцем, но наоборот, полагал, что брак Анны с французским королем возвышает Русь. Вот как Ломоносов изложил историю потомков Анны в работе "Краткий Российский летописец с родословием" (СПб., 1760): "Великая княжна Анна Ярославна, королева французская, праматерь многочисленных государей, во Франции названа Агнесою. От Генриха Первого родила три сына: Филиппа, Гугона, Роберта. Филипп наследовал корону, и от него пошли: 1) во Франции капетского, валойского и бурбонского поколения 28 королей, даже до конца владеющего государя Людовика Пятого на десять; 2) Карл, граф, и Людовик, герцог Анжуйский, были королями неаполитанскими, и от них произошли многие короли и королевы; 3) правнук ее Петр Куртенейский был царем греческим по взятии Царяграда от латин, во время иерусалимских походов от западного христианства, и некоторые его потомки; 4) нынешняя фамилия королей ишпанских, от Людовика Четвертого на десять происшедшая; 5) аглинские королевы: Маргарита Едуарда Первого, Изабелла Едуарда Второго, Изабелла ж Рихарда Второго, Екатерина Генрика Пятого, Марья Кар-

ла Первого, Магдалина, королева шкотская Якова Пятого, ишпанская королева Изабелла Филиппа Четвертого, Беатриск, королева богемская Иванова, Шарлотта, королева кипрская Ивана Второго. От сих государынь произошли многие короли, герцоги и князи. По смерти первого супруга Анна Ярославна была во Франции за Рудольфом, самовладетельным графом Креспийским и Валойским"[2].

В большой работе "Древняя российская история от начал российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года" (СПб., 1766) Ломоносов вновь упомянул о браке Анны Ярославны с королем Генрихом. И опять с патриотическим акцентом: "Знатные союзы, Ярославом утвержденные, купно с военными делами, соседам страшными, возвели Россию к великой знатности и славе. Генрик Первый, король французский, от супружества с Анною, княжною Ярославлею, родил три сына: Филиппа, Гугона и Роберта. Старший наследовал по отце королевство и произвел многое потомство"[3].

П.Я. Чаадаев также признавал достоверным рассказ о княжне Анне, несмотря на молчание об этом русских летописей, и видел в судьбе Анны одно из доказательств того, что в ту пору сношения Руси с Западом были весьма благожелательны[4].

Вот как выглядит генеалогическое древо королевской династии Капетингов после Анри (Генриха) I, породнившегося с Рюриковичами: Анри (Генрих) I (1031–1060) –Филипп I (1060–1108), сын Генриха I и Анны Ярославны, внук Ярослава; Людовик VI Толстый (1108–1137), сын Филиппа I; Людовик VII Младший (1137–1180), сын Людовика VI; Филипп II Август (1180–1223), сын Людовика VII; Людовик VIII (1223–1226), сын Филиппа-Августа; Людовик IX Святой (1226–1270), сын Людовика VIII; Филипп III Смелый (1270–1285), сын Людовика Святого; Филипп IV Красивый (1285–1314), сын Филиппа III; Людовик X (1314–1316), сын Филиппа IV Красивого; Филипп V (1316–1322), второй сын Филиппа IV Красивого; Карл IV (1322–1328), третий сын Филиппа IV Красивого.

С 1328 г. на французском королевском престоле утвердилась династия Валуа, представлявшая боковую ветвь Капетингов.

Связанное с Анной Ярославной яркое событие в русско-французских взаимоотношениях, увы, долго не имело продолжения, что объясняется как спецификой средневековой Франции, так и спецификой параллельной истории Руси. До конца XVI в. никаких сколько-нибудь значительных контактов между Францией и Русью не было. На протяжении всего средневековья Русь была в той или иной степени связана с Западной Европой в основном через римскую курию, стремившуюся распространить на православный Восток свой контроль. Именно римские папы время от времени обращались к "gran duca di Moscovia" или "Magno Moschorum dici", т.е. к великому Московскому князю с тех пор, как обозначилась на Руси гегемония Московского княжества. При этом стоит напомнить о том, что с на-

чала 1309 г. Франции вообще не было дела до далекой Московии. По начало 1377 г. римские папы вынужденно пребывали в находившемся на территории Франции г. Авиньоне, куда под давлением короля Филиппа IV его французский ставленник папа *Климент V* (1305–1314) перенес свою резиденцию. В период так называемого авиньонского пленения пап папство находилось в полной зависимости от французских королей. Из восьми "авиньонских пап" семь были французами, так что их "мероприятия" на славянском Востоке по сути были совместными, "римско-французскими" и они могут рассматриваться как одна из граней французско-русских средневековых отношений.

Но непосредственных интересов в далеких княжествах восточных славян, из которых с XIV в. стала особенно выделяться Московия, у Франции не было. Достаточно вспомнить о ее тогдашней многовековой вражде с Англией. Английской короне было, видимо, тесновато на своем острове и она активничала на континенте. При *Людовике* VI (1108–1137) вся западная часть Франции отошла к Англии. Английский король Генрих V признавался даже наследником французского престола, и в титуле английских королей одно время фигурировало: "король Франции". А о столетней войне 1337–1453 гг. с Англией постоянно напоминает образ знаменитой народной героини Франции Жанны Д'Арк.

К концу XV в., при *Карле* VIII (король в 1483–1489 гг.), Франция настолько окрепла, что сама начала завоевательные походы к своим соседям.

Немало сил у Франции отняло участие в крестовых походах.

А на восточнославянских землях со времен Анны Ярославны произошли, пожалуй, еще более драматические, чем во Франции, события: Киевская Русь распалась, и древнерусские земли попали на два с половиной века в тяжкую зависимость от тюрко-монгольских завоевателей. Под гнетом иноземного владычества и в жестокой междуусобной борьбе лишь в XV в. вполне обозначилась победа московских князей над своими внутренними соперниками и внешними врагами, и Московская Русь начала выходить на арену общеевропейской политики.

В начале XVI в. одним из союзников московских великих князей стал Бранденбург, ставший с середины XIV в. крупным германским княжеством (здесь в 1415 г. со столицей в Берлине утвердилась династия Гогенцоллернов, которую в дальнейшем представляли прусские короли и германские императоры). Так вот по подсказке бранденбургского курфюрста 16 апреля 1518 г. великий московский князь Василий Ш Иванович обратился к французскому королю *Франциску* I (1515–1547) с письмом, в котором выразил надежду на помощь французского монарха на случай нападения на Московию и Бранденбург Польши. В 1519 г. Василий повторил просьбу. Но, как считается, французский король ответа не дал. По-видимому, занято-

му войной с Карлóм V, императором Священной Римской империи (1519–1556) и испанским королем (1516–1556) за владение Бургундией и Италией, Франциску было не до Восточной Европы.

Но и это еще не все. В XVI в. в Европе стало определяться такое соотношение государственных симпатий и антипатий, союзов и контрсоюзов, что Франция и Россия оказались фактически в противостоянии. Если в числе противников у России вырисовывались Польша, Швеция и Османская империя, то для Франции как раз эти страны периодически стали выступать союзниками, хотя и между этими странами тоже происходили конфликты: между Польшей и Швецией, Польшей и Турцией.

При сыне Василия III великом князе с 1533 г. Иване IV Грозном, ставшим в 1547 г. первым русским царем, Россия и Франция оставались в стороне друг от друга. Примечательно, что Москва осудила массовую резню гугенотов французскими католическими кругами во главе с королевой-матерью Екатериной Медичи и аристократами из рода Гизов в ночь на праздник св. Варфоломея 24 августа 1572 г. ("Варфоломеевская ночь").

Между прочим в Варфоломеевскую ночь был убит крупный французский философ Пьер из Раме (Петр Рамус), один из наиболее непримиримых критиков философии Аристотеля. Одним из подстрекателей при этом фактически выступил тогдашний ректор Академии в Париже, врач и математик *Жак Шарпантье* (Charpentier) (1521–1574), который вел с Раме ожесточенный спор[6].

Только вряд ли об этом в России знали, тем более что вообще в то время очень мало знали о Франции. Пожалуй, единственным солидным источником сведений об этой далекой стране служил вышедший в 1584 г. русский перевод "Космографии" (1554) поляка Иохима Бельского, в которой был раздел "О Галлии, или Франции". В третьей, русской редакции "Космографии" можно было уже кое-что узнать о происхождении Франции и даже о французской Академии[7].

Во Франции некоторый интерес к России появился в связи с избранием в 1573 г. на королевский престол незадолго до этого возникшей в связи с объединением Польши и Литвы мощной и враждебной России Речи Посполитой последнего из дома Валуа принца Анри (Генриха) III, который, правда, вскоре вернулся на родину, став в 1575 г. французским королем после смерти Карла IX. Как раз при Анри III установился первый дипломатический контакт между Россией и Францией.

В письме Анри III от октября 1586 г. царь *Феодор Иоаннович* (1584–1598) сообщил о своем вступлении на престол и выразил готовность Московии поддерживать с Францией дружеские отношения. Анри направил в Москву первое французское посольство Франса де Карля. В том же 1586 г. был заключен коммерческий трактат 1587 г.

В конце XVI – начале XVII в., при короле *Анри* (*Генрихе*) IV *Бурбоне* (1594–1610), официальная Франция достаточно определилась в своей политике по отношению к "Московии", или "Руси Великой".

Министр французского короля Сюлли в своем "великом плане" устройства "порядка" в Европе отвел "Московии" весьма специфическую роль: "Эти огромные земли, имеющие не менее 600 лье в длину и 400 лье в ширину, населены в значительной части идолопоклонниками, в меньшей части – раскольниками, как греки или армяне, и при этом множество суеверий и обычаев почти полностью отличают их от нас. Помимо этого, русские принадлежат Азии столько же, сколько и Европе, и их следует рассматривать как народ варварский, относить к странам, подобным Турции, хотя уже пятьсот лет они стоят в ряду христианских государств"[8].

Франция готова была принять Россию в замышляемую "новую" организацию Европы, оговорившись, однако, что "если великий князь Московский, или царь русский, которого считают князем скифским, откажется вступить в это объединение, когда ему будет сделано соответствующее предложение, то с ним следует обращаться как с турецким султаном, лишить его владений в Европе и отбросить в Азию"[9].

Видимо, с такими планами Франции были связаны три письма Анри IV царю Федору в 1595 г.

При *Борисе Годунове* (1598–1605), одним из приоритетов во внешней политике которого был союз христианских государств "против турок и всех бусурман" и освобождение из рук "православного хрестьянства", иностранцы пользовались особым "милосердием" царя. Одним из наиболее известных иностранцев стал французский офицер Маржере (Margeret), перебравшийся в 1600 г. из Польши в Россию и командовавший отрядом немецких "копейщиков". Маржере оказался слугой не только царя Бориса, но и двух Лжедмитриев, за что получил от историков нелестный "титул" авантюриста.

Но в истории русско-французских отношений Маржере занял заметное место не благодаря своей военной карьере в России, а благодаря тому, что оставил весьма любопытное описание русского общества в своей книге "Estât de l'empire de Russie et grand duche de Moscovie 1590–1606" ("Состояние Российской империи и великого Московского княжества").

В XVII в. в Западной Европе произошли коренные изменения в соотношении сил. В результате Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. ослабла императорская власть германских и испанских Габсбургов и политическая гегемония в Западной Европе перешла к Франции, которая при *Луи* (*Людовике*) XIII *Валуа* (1610–1643) со знаменитым кардиналом Ришелье стала мощной державой. Русское правительство искренне желало союза с такой Францией. В

Тридцатилетней войне Россия оказалась одно время на стороне антигабсбургской коалиции. Но в борьбе против Австрии точками опоры Франции, как правило, выступали Швеция, Польша и Турция, т.е. страны, с которыми у России периодически возникали конфликты. Оказалось, что "друзья Франции были заклятыми врагами России, и наоборот, естественные враги Франции были ближайшими друзьями московского государства"[10].

В такой противоречивой ситуации Россия и Франция пытались установить дружеские отношения.

В 1615 г. царь *Михаил Федорович* (1613–1645) направил "великому государю Людвигу королю" посланников Кондырева и подьячего Неверова с уверением в дружбе и желанием заключить политический союз против Польши и Швеции. *Луи* XIII (1610–1643) благосклонно выслушал слова послов о дружбе и союзе «для общего блага наших государств, пообещал вести переговоры "о возобновлении союза", но дальше любезных слов дело не пошло. К числу любезностей, причем весьма демонстративных, можно отнести уступки французов послу Кондыреву, настаивавшему на полном титуле русского царя: французы "забыли", что раньше некоторые министры считали русского царя "князем скифским", подобным турецкому султану, и назвали царя даже "императором русских"»[11].

Оказалось, однако, что во Франции появились круги, заинтересованные в установлении прочных связей с Россией.

В 1628 г. французские купцы подали кардиналу Ришелье записку, где по ходу изложения проблем торговли с Россией, убеждали кардинала, что "поселение французских купцов в Московии облегчит со временем распространение католической религии во всей России", поскольку-де русские не признают константинопольского патриарха и, следовательно, не имеют отвращения к папе, и у них нет никакого указа, запрещающего в Московии исповедовать католическую религию. Кроме того, купцы обратили внимание на то обстоятельство, что в российских монастырях имеется большое количество оригинальных рукописей греческих отцов церкви, которых нет во Франции, и их легко получить (как и другие книги)[12].

Ришелье отреагировал, и в 1629 г. в Москву отправляется посольство Луи Дегэ де Курменена. Посланник высказал в адрес московского царя очень лестные слова, утверждая, что, например, король французский и русский царь везде славны, других таких великих и сильных государей нет. При этом посол подчеркнул самодержавие короля и царя, поскольку их "подданные во всем им послушны, в отличие от Англичан и Брабанцев, которые повинуются только своему капризу"[13]. "Когда царь и король Франции находятся в доброй дружбе и постоянных сношениях, – говорил посол, – государи их в значительной степени лишаются своей силы"[14].

Но французский посол не добился от Москвы всего, чего хотел. Русским не понравилось, что французский посол забыл "поставить"

полные царские титулы. "Впредь, – писал Михаил Федорович Луи XIII, – если вы желаете жить в дружбе и любви с нашею великою державой, так чтобы соединенные наши государства внушали страх всей вселенной, вы должны приказать, чтобы на ваших письмах вполне прописывались наши титулы, как они значатся в нашем письме". Но кое-какие последствия для культурных связей посольство Курменена имело: французам, поселившимся в Москве, разрешалось исповедовать католическую веру, держать своих священников, но не отправлять всенародно богослужения по католическому образцу[15].

При царе *Алексее Михайловиче* (1645–1671) в русско-французских отношениях начался новый период. На европейском конгрессе по случаю заключения мира между Швецией и Германией впервые было упомянуто имя московского царя. Франция стала смотреть на Россию как на страну, имеющую политическое значение. Но Франции не понравилось, что Россия начала войну сначала с Польшей, а затем со Швецией. В 1657 г. Луи XIV в письме к Алексею Михайловичу, ссылаясь на то, что оба государя исповедуют ту же "святую веру", доказывал, что "обязанность всякого короля, императора и христианского монарха стараться помешать пролитию человеческой крови"[16]. Но русские посредничества французов не приняли. Русское правительство сознавало, что Франция не может стать союзницей России ни против Швеции, ни против Польши, но в то же время оно стремилось упрочить русско-французские отношения. В 1668 г. в Париже побывал спальник П.И. Потемкин с сыном и дьяком Румянцевым и еще раз сообщил, что великий московский государь желает быть с французским королевским величеством "в братской дружбе и любви". В 1672 г. Россия выдвинула план европейской коалиции против Турции, "как общего врага всех христиан, имеющего в виду покорить все христианские государства". Алексей Михайлович просил короля прислать ему на помощь войска для войны против "общих врагов всего христианского мира" – турков. Но Франция отклонила этот план, поскольку турецкий султан был союзником Франции в борьбе с Австрией.

Царевне Софье, правительнице при малолетних Иване и Петре (1682–1689), тоже не удалось привлечь могущественную Францию Луи XIV к союзу России, Польши и Австрии против Османской Турции. Король французский, делали вывод русские дипломаты, отказал в союзе "противу общих хрыстианских неприятелей салтана Турецкого и хана крымского": "любя паче дружбу и приязнь с теми христианскими неприятелями, нежели с христианскими Государями"[17]. Русские послы удивлялись, как "наихристианнейший король" может предпочесть "дружбу с басурманами" союзу с христианскими народами.

Неудачно заканчивались все тогдашние французские посольства в Москву и московские – в Версаль. В 1667 г. огромное (со свитой

в 150 человек) посольство московского царя во Франции прошло просто со скандалом. Плохой прием посольства Москва не забыла. В России явная вражда русских против французов стала распространяться на эмигрантов-гугенотов, появлявшихся в то время в стране. Москва не могла удержаться и от других мелочных уколов. Так, она не пропустила через свою территорию иезуитов, стремившихся пробраться в Китай для проповедования христианства.

В 80-х годах XVII в. один французский посланник в числе прочего утверждал, что нравы и обычаи французов так разнятся с нравами России, что невероятно, чтобы эти две столь различные нации остались надолго в согласии[18].

Если европейский вектор внешней политики допетровской России в XVII в. уже вполне определился, то в культурно-цивилизационном плане Россия и непосредственно перед петровскими реформами оставалась еще в роли Буриданова осла между старорусскими и западническими ценностями. И Франция пока еще играла очень незначительную роль в ускорившемся в эту эпоху процессе вестернизации русской культуры. Но кое-что из французской культуры, в том числе философской, становилось достоянием и нашей отечественной культуры.

Из перевода философско-богословского труда "Ars magna generalis et ultima" ("Великая и предивная наука") Раймунда Луллия стало известно о "первоначальной в западных странах Академии Сорбонской" "в столичном граде земли французские, в Парижу"[19].

В "Космографии языком московским" появился раздел о Франции. В 1685 г. вышел перевод на русский с немецкого, который в свою очередь представлял перевод с французского сочинения Иосифа Бойлота Лангрина "Художества огненная и разные воинские орудия по всяким городовым приступам и по обороне приличные", вышедшего в Страсбурге в 1603 г.

В результате вхождения в 1654 г. в состав Московского государства части Украины, включая Киев, общероссийским учебным заведением стала Киево-Могилянская академия, превратившаяся в центр, с которого стартовали собственно философские связи России и Франции.

Есть сведения о том, что в Киево-Могилянской академии с первой половины XVII в. стали обсуждаться философские труды Декарта[20]. Трудно сказать, знали ли киево-могилянцы о превратностях судьбы Декарта во Франции: ведь он был вынужден покинуть родину из-за преследований схоластов. Несомненно, однако, что первоначально декартиана в России началась с неприятия и критики учения Картезия как противника господствовавшего тогда по всей Европе аристотелизма.

Очевидно, это обстоятельство обусловило и более решительные заявления: "Если мы с известными основаниями (хотя вместе с тем и с разными оговорками) говорим о русском вольтерьянстве,

русском шеллингианстве и т.п., то русское картезианство – это скорее всего миф"[21]. Это верно лишь отчасти. В определенной мере распространение картезианства в России продолжалось и выражалось не только в заимствованиях его идей, но также в усвоении картезианских антисхоластических мировоззренческих установок и типа мышления.

В Киево-Могилянской академии использовался "Философский курс", содержавший диалектику, логику и первую книгу физики, противника антиаристотелика Пьера из Раме, *Жака Шарпантье* (1521–1574). Этот курс читался в 1666 г. в Замойской академии (учебном заведении, открытом в 1594 г. по инициативе польского государственного деятеля Яна Замойского в городе Замосьц – ныне в Люблинском воеводстве Польши).

Радикальные изменения в русско-французских философских связях наступили только как следствие реформ Петра Великого.

[1] *Грюнвальд К.* Франко-русские союзы. М., 1962. С. 17.
[2] *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1950–1957. Т. 6. С. 348–349.
[3] Там же. С. 285.
[4] См.: *Чаадаев П.Я.* Соч. М., 1989. С. 425.
[5] См.: Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами / Сост. Ф. Мартенс. Т. 13–15: Трактаты с Францией. СПб., 1902–1909. Т. 13. С. IX.
[6] См.: La Grande Encyclopédie. Т. 10. P. 782.
[7] См.: *Попов А.* Обзор хронографов русской редакции. М., 1866–1869. Вып. 1. С. 90; Вып. 2. С. 221, 224.
[8] *Грюнвальд К.* Франко-русские союзы. С. 17.
[9] Там же.
[10] Собрание трактатов и конвенций... Т. 13. С. IV–V.
[11] Там же. С. XIII.
[12] См.: *Безобразов П.В.* О сношениях России с Францией. М., 1892. С. 6.
[13] Собрание трактатов и конвенций... Т. 13. С. II.
[14] Там же. С. 1.
[15] См.: *Безобразов П.В.* Указ. соч. С. 9.
[16] Там же. С. 15.
[17] Собрание трактатов и конвенций... Т. 13. С. XLIX–L.
[18] См.: *Безобразов П.В.* Указ. соч. С. 27.
[19] *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.: Библиогр. материалы. СПб. 1903. С. 158.
[20] См.: *Сотниченко П.А.* Бібліотека Киево-Могилянськоі академіі: Філософські джерела // Від Вішенького до Сковороди. Киев, 1972. С. 47–54.
[21] *Володин А.И.* Из русской декартианы. Заметки 30–40-е годы XIX в. // Рене Декарт как мылитель: К 400-летию со дня рождения. М., 1997. С. 139.